

Три школьныхъ изданія Софоклова „Эдипа Царя“.

- 1) Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергія Мамистейна*. Софоклъ. Царь Эдипъ. Объяснилъ *Θ. Зѣлинскій*. Ч. I: текстъ 80+16 стр. Ч. II: комментарий 140 стр. Ц. 1 р. Царское Село. 1892.
- 2) *Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος*. текстъ съ примѣчаніями по *Науку* и словаремъ по *Эльвнду*, составленными для употребленія въ гимназіяхъ *О. Петрученко*. преподавателемъ Московской 2-й гимназіи. Москва. 1886. 196 стр. Ц. 90 к.
- 3) *Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος*, Трагедія Софокла Эдипъ царь въ двухъ частяхъ отдѣльными книгами: часть I. Греческій текстъ. Часть II. Введеніе съ 4 рисунками, комментарий къ тексту и размѣры лирическихъ партій трагедіи. Составилъ для гимназій *Ив. Мир. Ивановъ*, часть I. Цѣна за обѣ части 1 р. 20 к. С.-Пб. 1892.

„Царь Эдипъ“—одна изъ лучшихъ греческихъ трагедій вообще. а для школы она представляется особо цѣнною. Античная сцена едва-ли служила когда-нибудь ареной для произведенія болѣе величественнаго. Трудно найдти драму, гдѣ бы дѣйствіе проводилось передъ нами съ такою строгой непрерывностью и столь постепенно растущею интенсивностью. Въ „Эдипъ царь“ нѣтъ двухъ ясно размѣченныхъ частей „Эанта“, нѣтъ скучноватой простоты „Филоктета“, нѣтъ побочнаго любовнаго сюжета „Антигоны“. Ни одно произведеніе античной сцены не даетъ возможности въ такой мѣрѣ и такъ ясно раскрыть идею древнихъ о *χηλὶς σοφουράς*. Но самое дорогое въ трагедіи, особенно для русскаго юношества—это отсутствіе въ ней не только отрицательныхъ, но даже несимпатичныхъ лицъ: Эдипъ, Иокаста, Креонтъ, Тиресій—все это праведники и служители истины: всѣ они раскрываютъ ее, только съ различныхъ сторонъ. На Эдипъ чрезвычайно рельефно можетъ быть разъяснено ученикамъ отличіе произведенія классическаго отъ христіанскаго, гдѣ всегда болѣе или менѣе отражается міровоззрѣніе дуалистическое, и дѣйствующія лица оказываются одни добрыми, другія—злыми.

Три изданія одного и того-же произведенія, предназначенныя для единственнаго VIII класса гимназіи, гдѣ только и можно читать Софокла, указываютъ на то, что мнѣніе о пригодности „Эдипа царя“, какъ школьной книги, есть довольно распространенное мнѣніе.

Перечисленные мною книги совершенно различны по своему достоинству.

Такъ какъ первое изъ изданій, мною названныхъ, изданіе проф. Зѣлинскаго, представляется мнѣ наиболѣе важнымъ и полезнымъ для школы и такъ какъ оно исчерпываетъ и даже частію превышаетъ наши требованія отъ школьной книги, то на немъ я главнымъ образомъ и останавлиюсь.

Трудъ г. Зѣлинскаго снабженъ, вонервыхъ, указаніями на уклоненія отъ изданія А. К. Наука, вовторыхъ, ключемъ къ лирическимъ размѣрамъ, втретьихъ, введеніемъ, вчетвертыхъ, 29 рисунками.

Рѣдко приходилось мнѣ выносить такое отрадное впечатлѣніе отъ просмотра школьной книги, какое на меня произвели двѣ части труда проф. Зѣлинскаго. Все въ нихъ, начиная съ внѣшности и рисунковъ, за которые надо благодарить почтенную редакцію „Иллюстрированнаго собранія“, и кончая послѣднею строкой примѣчанія, носитъ печать чрезвычайно дорогаго для насъ, педагоговъ, уваженія къ школѣ. Г. Зѣлинскій не является въ своемъ трудѣ суровымъ жрецомъ той академической эрудиціи, которая считала гимназію достойной подбирать лишь крошки съ академическаго стола: его изданіе можетъ служить драгоценнымъ подспорьемъ и для гимназиста, и для студента, и вообще для образованнаго человѣка, который захочетъ ближе познакомиться съ греческимъ театромъ.

Текстъ напечатанъ въ высокой степени внимательно. Проф. Зѣлинскій для этого располагалъ особыми средствами, какъ ученый, работавшій спеціально надъ текстомъ Софокла (см. въ *Журналѣ Министертства Народнаго Просвѣщенія* за іюль и августъ 1892 г. его замѣтки къ трагедіямъ Софокла и къ схоліямъ на нихъ). Комментарій составленъ очень интересно и разнообразно, и въ то же время—что весьма важно—въ немъ нѣтъ нагроможденности и пестроты. Главная цѣль комментарія лежитъ въ выясненіи *психической* стороны дѣйствія: сообразно съ этимъ, этической и эстетической моменты преобладаютъ надъ бытовымъ и внѣшне-культурнымъ. Такъ какъ комментарий г. Зѣлинскаго направленъ, очевидно, къ сосредоточенію вниманія учащихся на данномъ мѣстѣ и на связи его съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а не къ сообщенію мимоходомъ разнообразныхъ познаній, то фразеологическая и синонимическая сторона развиты въ немъ умѣренно. Въ общемъ, благодаря своей цѣльности и законченности, комментарий почти сплошь можетъ быть читаемъ, какъ отдѣльная книга. Одинъ упрекъ, который я позволю себѣ сдѣлать г. Зѣлинскому—это, что онъ слишкомъ много переводитъ за учениковъ. Затѣмъ—вотъ нѣсколько отдѣльных замѣчаній:

строка 107. ἵχνος παλαιᾶς δυστέμαρτον αἰτίας γ. Зѣлинскій переводить неясный слѣдъ этого *стариннаго* преступленія; лучше: *давнишняго*.

стр. 128 ποικιλφδός (ἄπαξ εἰρημένον)—своею *непонятною* пѣснью; лучше: *причудливой, хитрой*.

стр. 142. νῦν δ' ἔς τὸ κείνου κρατ' ἐνήλαι' ἢ τύχη переведено: судьба всей своею тяжестью обрушилась на него; не лучше-ли и по-русски сохранить оттѣнокъ *обрушилась на его голову*.

стр. 166. γαῖαρχον==πολιούχον, собств. *держительницу*: слово невозможное; можетъ быть, *обладательницу, властительницу, градохранительницу*.

Въ примѣчаніи къ стр. 170 находимъ: „далеко-ли до грѣха“; лучше ходячее: „долго-ли до грѣха“.

Отчего авторъ въ стр. 177 обычный эпитетъ κλοτᾶς (здѣсь къ χθονός; у Гомера δώματα, λιμήν) не хочетъ передать прилагат. *славный*. Въ русскомъ эпосѣ это слово равно примѣняется и къ городамъ, и къ рѣкамъ, и къ людямъ. Во всякомъ случаѣ я не могу согласиться съ детерминированіемъ *роскошная*.

Стр. 281. ἀελλᾶς = ἀελλόπους передано *вътроногий*... Въ русской лирической поэзіи (у Языкова, кажется) есть *бурноногий* (про лошадь).

Въ стр. 292 слово φοιτᾶ (о быкѣ) передано *блуждаетъ*. Было бы, можетъ быть, умѣстнѣе: *безпокойно рыщетъ, мечется, кружится*; даже *скитается* лучше,—оно значить *не имѣетъ пристанища*; а *блуждаетъ* только *не знаетъ правильнаго пути*. Въ 1208 стр. того же произведенія φοιτᾶ значить *мечется*.

Въ примѣчаніи къ 373 стр. данъ такой переводъ словъ τοφλὸς τὰ τ' ὄτα τὸν τε νοῦν τὰ τ' ὄμματ' εἶ: твой слухъ и твой умъ омрачены не менѣе, чѣмъ твое зрѣніе. Ясно, что *омрачены* (оттѣнокъ печали) сказать тутъ нельзя—*скорѣе затемнены, закрыты для окружающаго*.

Стр. 392 .. ποῦ σὸ μάντις εἶ σαφής;
гдѣ ты высказалъ *правдивость* твоего прорицательнаго дара.

Мнѣ кажется, что возможно одно изъ двухъ: или *подлинность*.. прорицательнаго дара, или *правдивость*... *предсказаній*.

Стр. 410:

εἰ καὶ τυραννεῖς, ἐξισωτέον τὸ γούν
ἴσ' ἀντιλέξαι: τοῦδε γὰρ καγῶ κρατῶ

г. Зѣлинскій предлагаетъ такой переводъ:

„Ты—царь; но въ одномъ должно быть соблюдено равенство между нами, имейно въ томъ, чтобы я могъ отвѣтить тебѣ на правахъ равнаго; слово и въ моеи власти“.

И думаю, что въ своихъ *τυραννεῖς* и *κρατῶ* есть своего рода синонимическая антитеза (ср. *κράτη νέμειν*—быть царемъ), то-есть, противоположенія оттѣнковъ одного и того же понятія, и я предложилъ бы такой переводъ:

„Пусть ты (нашъ) *царь*; но хоть въ спорѣ мы должны быть равноправны; надъ словомъ я самъ *господинъ*.”

По поводу ст. 475 и слл. г. Зѣлинскій пишетъ: чудный *непереводимый* придаетъ фразѣ это *γε*; оно выражаетъ всю скорбь вѣрнаго подданнаго о томъ, что царь именно его счелъ способнымъ на такую низость.

Стихи читаются такъ:

εἰ γὰρ ἐν ταῖς ζυφοραῖς
ταῖς νῦν νομίζει πρὸς γ' ἐμοῦ πεπονθέναι
λόγοισιν εἴτ' ἔργοισιν εἰς βλάβην φέρον
οὔτοι βίου μοι τοῦ μακραιῶνος πόθος
φέροντι τήνδε βάζιν...

И бы предложилъ слѣдующій переводъ, гдѣ *γε* сохраняется: Если царь считаетъ, что въ настоящихъ нашихъ бѣдствіяхъ онъ терпитъ вредъ—не знаю, на словахъ или на дѣлѣ,—и *отъ кого же? отъ меня*,—такъ не надо мнѣ и долгаго вѣку съ такою славой.

Въ стр. 920 сл. *θεσπίσματα*..... *ἄξι'* *οὐδενός* переведено: *изобличенныя* въ своей тщетѣ; *изобличеннымъ* можетъ быть только *лицо*, здѣсь просто: *ничего не стоящія*.

Слова *τρεῖς φορές* (1007) правильнѣе бы было, мнѣ кажется, перевести: *работъ втройнь* или *трижды работъ*.

Въ 1006 стр. *ἄλις νοσοῦσ'* *ἐγὼ*, г. Зѣлинскій передаетъ *страдаю* словомъ *несчастна*. Развѣ здѣсь нѣтъ элемента времени?

Не точнымъ кажется мнѣ переводъ стр. 1203—1204:

γαῖα δ' εὐνάς, ἔνθα δύστηνος διπλοῦς
ἐξ ἀνδρὸς ἀνδρα καὶ τέχνη' ἐκ τέχνων τέχοι:

въ которомъ она, *дважды несчастная*, родила себѣ мужа отъ мужа и дѣтей отъ сына.

Такимъ образомъ *διπλῶς* отнесено къ *δύστηνος*, что кажется совершенно не вѣрно и не согласно съ объясненіемъ, которое приведено комментаторомъ.

По стилю и въ лексическомъ отношеніи я могу замѣтить слѣдующее:

къ стр. 662—663: нѣтъ въ душѣ человѣка ни одной стороны (?), которая была бы причастна (?) прорицательскому дару;

Стр. 976: я былъ тамъ *надзирателемъ* за горными стадами.

Стр. 979: могутъ *дать свидѣтельство* суставы твоихъ ногъ;

Стр. 1192: ἄπειν — скрѣта *передъ* вами;

Неудачны слова: *подстрекало* (1265) и форма *окова*.

Неудачно объясненіе: его зло, влѣдствіе своей безпримѣрности, не можетъ перейти къ кому-нибудь *кромъ него* (къ стр. 1363).

Выраженіе ἔπουλος κακῶν (1349) я бы передалъ: *уже трнутый язвой зла*.

Въ заключеніе еще маленькій упрекъ: конечно, такой знатокъ и такой тонкій комментаторъ поэта, какъ г. Зѣлинскій, не склоненъ злоупотреблять риторическими и пѣитическими терминами, онъ отлично понимаетъ, что въ эти шаблоны не укладывается живая рѣчь, особенно въ такой причудливой формѣ ея, какъ поэзія. Отчего-же бы не ограничить ему немножко примѣненіе термина *compositum quiescens*? на примѣръ, ὄρατος (188) и ὀρόστολος (213), конечно, оба очень близки къ ὀροῦ, но, съ другой стороны, сохранили, кажется и отъѣнки, параллельные латинскимъ *una* и *simul*. Терминъ *compositum quiescens* это стираетъ.

Изданіе г. Петрученко сдѣлано очень внимательно и толково, только словарь слишкомъ кратокъ и потому не удовлетворяетъ своему назначенію, даже при комментаріѣ. Къ сожалѣнію, относительно текста изданіе г. Петрученко не стоитъ на уровнѣ современныхъ требованій: въ его основу положенъ текстъ Наука-Шнейдевина отъ 1881 года.

Примѣчанія въ книгѣ г. Петрученко, въ противоположность только что разобранному комментарію отличаются значительной пестротой, хотя въ лексическомъ отношеніи несравненно богаче. По примѣру многихъ нѣмецкихъ комментаторовъ, г. Петрученко думаетъ, что объясненіе выраженія заключается въ приведеніи возможно большаго количества параллелей изъ другихъ произведеній.

Нисколько не думая умалять значенія, которое имѣла книжка г. Петрученко нѣсколько лѣтъ назадъ, я могу сказать, что теперь сравненіе съ работой г. Зѣлинскаго для нея невыгодно. Едва ли скоро русская школа дождется лучшаго комментарія къ „Эдипу царю“, чѣмъ тотъ, который получили мы въ разобранномъ царекосельскомъ изданіи.

Тѣмъ печальнѣе, что рядомъ съ изданіемъ г. Зѣлинскаго явилась въ продажѣ книжка г. Иванова. Я не буду касаться ея содержанія, потому что не нашель въ ней ни малѣйшей оригинальности, и признаюсь, не понимаю ея *raison d'être*. Текстъ плохъ; примѣчанія шаб-

лонны. Виѣшность *очень* напоминаетъ иллюстрированныя изданія, и это дѣйствуетъ крайне непріятно, потому что работа г. Иванова появилась одновременно съ изданіемъ царскосельскимъ и потому что весьма возможное смѣшеніе двухъ изданій объясняется, конечно, не желаніемъ гг. Георгіевскаго и Манштейна.

И. Анненскій.